

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-152-170

ТРЕНДЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ?

Ю. Р. Вишневский¹, Д. Ю. Нархов², Я. В. Дидковская³

*Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.*

E-mail: ¹soc_stu@e1.ru; ²d_narkhov@mail.ru; ³diyana@yandex.ru

Аннотация. Введение. Студенческая молодежь – важнейший социальный ресурс развития постиндустриального информационного общества, поскольку именно ее представители в ближайшее время займут места ведущих специалистов и будут определять уровень социально-экономического благополучия страны и ее конкурентоспособность в мире. В связи с этим важно выяснить, каким потенциалом обладает студенческая среда, чтобы без потерь конвертировать его в социальный и культурный капитал государства. Данный потенциал составляют, прежде всего, образование, квалификация и профессия, от ценностного отношения к которым зависит степень зрелости личности будущего профессионала, мера его ответственности за свою деятельность, готовность к профессиональному самосовершенствованию.

Цель работы, изложенной в статье, – проанализировать процессы профессионального самоопределения студенческой молодежи и выявить их тенденции.

Методология и методы. Методологическим основанием исследования послужили современные научные теории, сформированные в рамках отраслевых социологических ответвлений – социологии образования и социологии молодежи. В качестве основного метода использовался репрезентативный квотно-гнездовой выборочный анкетный опрос, который проводился в семь этапов начиная с 1995 и заканчивая 2016 г. Общий объем выборки составили 9133 студента, обучавшихся в вузах Свердловской области – одной из крупнейших административных территорий России.

Результаты и научная новизна. Обобщены и проинтерпретированы результаты уникального многолетнего мониторинга, в ходе которого динамика

профессионального самоопределения студенческой молодежи отслеживалась с помощью таких ключевых индикаторов, как мотивы выбора сферы занятости и учебного заведения, личностная значимость будущей профессии для студента и профессиональные планы обучающихся после окончания вуза. Полученные данные указывают на наличие комплекса проблем и противоречий функционирования институтов образования и профессии в период социальных трансформаций. Главный вывод, к которому приходят авторы, заключается в усилении тенденции депрофессионализации студенчества.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть полезны для коррекции работы по профессиональной ориентации молодежи.

Ключевые слова: студенчество, мотивация выбора профессии, профессионализм и депрофессионализация, транспрофессионализация, жизненные планы.

Для цитирования: Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Дидковская Я. В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 1. С. 152–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-9-170

TRENDS IN HIGHER VOCATIONAL EDUCATION: PROFESSIONALIZATION OR DEPROFESSIONALIZATION?

Yu. R. Vishnevskiy¹, D. Yu. Narkhov², Ya. V. Didkovskaya³

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹soc_stu@e1.ru; ²d_narkhov@mail.ru; ³diyana@yandex.ru

Abstract. Introduction. Student population is the most important social resource of development of post-industrial information society. Therefore, those students will take places of leading experts and will define the level of social and economic wellbeing of the country and its competitiveness in the world in the near future. In this regard, it is important to find out the potential of the student's environment in order to convert it without any loss into social and cultural capital of the state. First of all, this potential is made up by education, qualification and profession and students' valuable relation to their occupation. Thereby, such valuable relation depends on a degree of a future specialist' personal maturity, a degree of his/her responsibility for the activity, and readiness for professional self-improvement.

The aims of the present publication are: to analyse the processes of professional self-determination among students; to reveal the tendencies of students' professional self-determination.

Methodology and research methods. The methodological basis of the research involves modern scientific theories formulated within branches of Sociology – Sociology of Education and Sociology of Youth. Representative quota-cluster selective questionnaire survey was used as the main method; that was carried out in seven steps in 1995–2016. The total amount of selection involved 9133 students studying in higher education institutions of Sverdlovsk region – one of the largest administrative territories of Russia.

Results and scientific novelty. The results of a unique long-term monitoring are generalized and interpreted. In the course of the monitoring, the dynamics of professional self-determination of student youth was traced by means of such key indicators as follows: motives of the choice of the sphere of employment and educational institution; personal importance of future profession for students; professional plans of students after graduating from a higher education institution. The obtained data refer to a complex of problems and contradictions of functioning of institutes of education and a profession during the period of societal transformations. The main conclusion drawn by the authors consists in the fact of growing tendency towards the deprofessionalization of students.

Practical significance. The materials of the research could be useful to design and update vocational guidance of young people.

Keywords: students, motivation of professional choice, professionalism and deprofessionalization, trans-professionalization, life plans.

For citation: Vishnevskiy Yu. R., Narkhov D. Yu., Didkovskaya Ya. V. Trends in higher vocational education: Professionalization or deprofessionalization? *The Education and Science Journal*. 2018; 1 (20): 152–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-9-170

Введение

Профессиональное самоопределение молодых людей традиционно принято связывать с возрастным периодом, приблизительно совпадающим с окончанием средней школы. Выбор профессии детерминруется социальными факторами (состоянием рынка труда, престижностью тех или иных профессий, ценностью высшего образования в обществе, государственной политикой в сфере образования и др.) и субъективными обстоятельствами, в том числе уровнем профессионального самосознания личности. Тенденции развития общественного мнения и конкретные социально-экономические условия определяют характер воздействия социальных институтов и отдельных социальных групп на процесс профессионального самоопределения личности. А результат этого процесса субъективно оценивается человеком как удовлетворенность различными аспек-

тами собственной профессиональной деятельности и своим профессиональным становлением в целом. На основе данной оценки индивидом строятся профессиональные и жизненные планы, возникают намерения и формируются идеалы, которые являются мотиваторами реальной профессиональной активности: продолжения учебы, повышения квалификации, получения дополнительного образования, самообразования и др.

Содержание процесса профессионального самоопределения трансформируется на каждой из стадий социализации молодежи. Наше исследование было сосредоточено на наиболее значимом и показательном в этом плане этапе – времени студенчества.

В условиях перехода к рыночным отношениям определяющее (патерналистское) влияние государства на профессиональное самоопределение молодежи заметно ослабло. Сложившаяся в советские годы система профориентационной работы перестала действовать, а многие вузы переключились с реализации социальной функции профориентации на проведение рекламных кампаний по привлечению как можно большего числа абитуриентов. В результате был нарушен баланс между рынком труда и рынком молодых специалистов – между действительно требующимися сфере производства новыми квалифицированными кадрами и числом выпускников системы высшего образования, прошедших подготовку по «престижным», «модным», пользовавшимся повышенной популярностью среди граждан специальностям, массовое повсеместное открытие которых в вузах отчасти спасло инфраструктуру высшей школы от разрушения и помогло сохранить часть профессорско-преподавательского состава, но в итоге привело к серьезной депрофессионализации в студенческой среде [1, с. 59], последствия которой фиксировались нами на протяжении продолжительного, осуществлявшегося в течение нескольких лет мониторинга.

Обзор литературы и источников

Само исходное значение слова «профессия» (от лат. *profiteer* – «объявляю своим делом») предполагает, что занятие, специальность, работа *выбираются* человеком. Кроме того, в разнообразных толкованиях данного понятия в качестве обязательных составляющих профессионализации отмечается не только специализация на конкретном виде занятий, но и обретенные в процессе специальной (профессиональной) подготовки или опыта работы теоретические знания и практические навыки, соответствующие определенному уровню квалификации.

Процесс обучения профессии подразумевает также профессиональную социализацию – усвоение способов мышления и практик, характер-

ных для данной профессии, ее традиций и норм поведения, профессиональной этики и культуры, что дает основания, вслед за Т. Парсонсом, рассматривать профессионализацию в период подготовки специалиста как модель становления идеального гражданина, а университеты как опору гражданственности¹ [2].

Вопросы успешности и эффективности высшего профессионального образования освещаются исследователями в нескольких аспектах:

- с позиций гражданского общества, заинтересованного в увеличении доли цивилизованных людей, имеющих высшее образование и участвующих в создании общественных гражданских институтов;
- с точки зрения отдельной личности, реализующей свои способности на рынке труда и в жизни в целом;
- с позиций родительской и собственно студенческой семьи [3].

Профессиональное самоопределение учащихся вузов – это процесс их интеграции в социально-профессиональную структуру общества, который реализуется на личностном уровне через выбор студентами вариантов профессионального развития [4, с. 132].

В теории структуризации Э. Гидденса подчеркивается *целостность* процесса профессионального самоопределения, в котором, наряду с правилами, выделяется такая важнейшая структура, как ресурсы. При этом особенно значима мысль выдающегося социолога о том, что ресурсы не существуют сами по себе, а лишь воспроизводятся в процессе человеческой интеракции (взаимодействия): «Каждый (компетентный) член общества, поддерживая любого рода взаимодействия, привлекает социальные знания и теории, обычно без принуждения и вполне обыденно, а использование этих практических ресурсов как раз и является условием производства взаимодействия вообще» [5].

Для социологов весьма значимо и мнение психологов, акцентирующих *процессуальность* профессионального самоопределения, которое, как утверждает Э. Ф. Зеер, не сводится к одномоментному акту выбора профессии и не оканчивается с завершением подготовки в учебном заведении по выбранной специальности, а продолжается на протяжении всей трудовой жизни [6, с. 103].

¹ Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 536–547; Parsons T. Remarks on Education and the Professions // The International Journal of Ethics. 1937. P. 365–381; Parsons T. The Professions and Social Structure (1939) // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition). New-York The Free Press, 1966. P. 34–46.

Проблемы профессионального самоопределения молодежи и противоречия этого процесса на современном этапе являются объектами пристального внимания научного сообщества и вызывают довольно острые дискуссии.

Ученые, занимающиеся изучением начальной стадии профессионального самоопределения, указывают, что сегодня для нее характерна ситуация «отложенного выбора», обусловленная неготовностью большинства выпускников школ к ответственному принятию решения по поводу своего профессионального образования и/или вынужденным подчинением обстоятельствам, которые влияют на предпочтения при выборе конкретного вуза. К таким обстоятельствам относятся, например, перекосы в социальной структуре; специфика социально-экономической ситуации в регионе, где расположен вуз и где проживают потенциальные студенты; позиция родителей, да и самих учащихся, для которых зачастую важен сам факт получения диплома о высшем образовании, а не приобретение профессии, и др. [7, с. 97–98].

Есть немало работ, где доказывается взаимосвязь личных профессиональных и жизненных стратегий. Так, В. В. Орлова справедливо замечает: «Выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека – это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои интересы, ценности, склонности» [8, с. 124–125].

Исследователи выделяют ряд социально-экономических тенденций, оказывающих влияние на профессиональный выбор современного студента. Прежде всего, качественно изменяется сам социум – происходит его *индивидуализация*: ведущую роль в «оценке потенциальных возможностей общества» начинают играть потребности индивида, что порождает постоянный диссонанс «между “я хочу” и “я могу”, между завышенными желаниями и наличествующими возможностями их удовлетворения». Данный диссонанс, по мнению З. Баумана, «становится ведущим принципом социализации» [9, с. 85–86].

Серьезные изменения, которым в последнее время подвергаются потребностно-мотивационная сфера современной молодежи, ее ценностные ориентации и установки, формы поведения и деятельности, могут иметь как негативные, так и позитивные следствия. В этом отношении некоторыми авторами сделан ряд интересных наблюдений о специфике профессионального самоопределения студентов второго и третьего курсов (целевой группы нашего изыскания). Социально-психологические иссле-

дования фиксируют их пониженный мотивационный профиль, что объясняется ярко выраженной индивидуализацией их развития на этапе обучения в вузе [10], выражающейся в поиске собственной уникальности не только в системе межличностных отношений, но и в продвижении к будущей успешной карьере.

В условиях глобализации и «перехода от индустриальной экономики ... к экономике знаний и преобладания умственного труда» [11] *качественно меняется характер и содержание многих профессий*. Это новый этап кардинальных перемен в мире профессий, история трансформации которого кратко отражена в теории «трех профессиональных революций» Г. Перкина.

- первая профессиональная революция, результатом которой стала эпоха Просвещения, породила *свободные профессии*, «которые существуют не в привычных сословных мирах, где складывались традиционные профессии. Их питательная среда – индивидуальная (частная) собственность, возможность свободно продавать свой труд, свои услуги, полное распоряжение произведенным продуктом». Ответственность свободных профессионалов была привязана к их специальности;

- вторая революция была инициирована промышленным переворотом и развитием жестко специализированного массового серийного производства, вследствие чего получили распространение *массовые профессии*, ответственность представителей которых обусловлена определенным местом работы и выполнением определенной функции;

- третью профессиональную революцию ознаменовало появление *транспрофессионалов*, готовых работать в разных профессиональных средах. Специфика их работы – выбор комплекса методов, средств, способов мышления и деятельности, заточенных под решение конкретной проблемной ситуации¹.

Возможно, многие фиксируемые в социологических исследованиях перекосы в профессиональном самоопределении молодых россиян (в частности, приоритет гуманитарных специальностей в сравнении с инженерными, выбор профессий, требующих высшего образования, и недооценка квалифицированных рабочих профессий) связаны с более поздним и более медленным разворачиванием в стране «третьей профессиональной революции».

Одновременно с прогрессирующими процессами индивидуализации и транспрофессионализации в «обществе риска» (У. Бек), т. е. неопределенного будущего, *профессия перестает быть «обобщающим идентификационным шаблоном»*, посредством которого мы оцениваем людей, принадле-

¹ Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. London: Routledge, 1996. 272 p.

жащих к ней, их доходы, статус, возможные интересы и социальные связи. Возникает, по выражению У. Бека, «плюрализация рабочих миров и форм труда», что серьезно влияет на профессиональные структуру, выбор, адаптацию и самоопределение [12, с. 203, 320].

Не столь давно в стратификации российского общества стал выделяться новый класс работников – так называемый прекариат (от лат *precarium* – неустойчивый, негарантированный, угрожающий), трудовая занятость которого зависит не от конкретной профессии, а от интериоризированных в результате профессионального образования компетенций, знаний, умений. Самое неприятное свойство прекариата, сопряженное с определенными социальными рисками, особенно в проекции на профессионализацию молодежи, – нестабильность, когда «временная занятость становится постоянно действующей величиной, сопровождающий человека всю жизнь» [13, с. 4]. Надо отметить, что распространение феномена прекариата не примета сугубо российского социума – это общемировое явление [12, 14]. Типичны для многих стран ближнего и дальнего зарубежья и многие указанные выше деформации профессиональной социализации молодежи [15–20].

Однако особенности профессионального самоопределения и профессионализации нового поколения специалистов могут быть связаны с территориальной и национальной спецификой. Так, например, на Урале, где проводилось наше исследование, наряду с утверждающимся постиндустриализмом, развитием информационного общества, научно-промышленной модернизацией производства актуализируется реиндустриализация старых промышленных центров [21], что, на наш взгляд, может оказывать определенное влияние на профессиональные предпочтения молодых людей.

Материалы и методы

Основу нашей публикации составили результаты социологического мониторинга профессионального самоопределения студентов, проживающих и обучающихся в Свердловской области. Процессы профессионального самоопределения респондентов анализировались по трем основным направлениям:

- мотивы выбора вуза;
- значимость будущей профессии (система профессиональных ценностей);
- профессиональные планы обучающихся.

Ведущим методом исследования был репрезентативный квотно-гнездовой выборочный анкетный опрос, который проводился в семь этапов: в 1995, 1999, 2003, 2007, 2009, 2012, 2016 гг.

Общий объем выборки за 21 год составили 9133 студента, обучающиеся в 28 вузах, включая их филиалы и представительства.

Методологическим основанием работы послужили современные научные теории, сформированные в рамках отраслевых социологических ответвлений – социологии образования и социологии молодежи. Многомерность объекта исследования обусловила комплексный подход к его изучению, исходной точкой которого явилось положение о том, что студенчество представляет собой активных субъектов социальной жизни, которые выступают «не как “группа спецопеки”, а как “ресурс”, требующий просчитанных инвестиций, ориентированных на эффективную отдачу» [22].

На протяжении всей многолетней работы нами применялись единые (модульные) методики, что позволило выявлять динамику, сравнить тенденции многих процессов в студенческой среде, включая профессиональную социализацию обучающихся.

На первых шести этапах мониторинга респондентами были студенты третьих курсов ведущих университетов Екатеринбурга и их филиалов, расположенных в Свердловской области. С методической точки зрения, выбор данной стадии социализации студенчества объясняется следующим: к этому времени в основном заканчивается период адаптации обучающихся к условиям вуза и ослабевают, теряют свое значение или вовсе сходят на нет довузовские факторы, влияющие на профессиональное самоопределение. Кроме того, на третьем курсе практически во всех вузах студенты приступают к изучению специальных дисциплин и поэтому более четко и реально могут оценить будущую профессию. Наконец, проведение опросов «на экваторе» студенческой жизни позволяет выявить, в какой мере будущие выпускники задумываются о будущей работе и профессиональных перспективах.

На последнем, седьмом этапе мониторинга в формировании выборки были сделаны корректировки. Они были связаны с тем, что большая часть вузов к 2016 г. перешла на многоуровневую систему высшего образования. Для большинства учебных организаций единственной схемой подготовки специалистов стала двухступенчатая система: бакалавриат (четыре года обучения) – магистратура (два последующих года). Пятилетние программы обучения специалистов (специалитет) стали в Свердловской области весьма редким образовательным продуктом, характерным лишь для высокотехнологичных вузов. Поэтому в опросе последнего года мониторинга в выборке пропорционально были представлены студенты не только третьего, но и второго курса. Более того, в рамках поискового исследования в состав выборки были включены также магистранты.

На протяжении всего мониторинга сохранялась такая важная характеристика выборки, как направление (профиль) обучения. Мы придерживались имеющейся официальной классификации – технические, социально-экономические, естественнонаучные и гуманитарные специальности.

Результаты исследования

Наиболее четко проблемы профессионализации (точнее – депрофессионализации) проявились в мотивации выбора вуза и будущей профессии (табл. 1). Основная обнаруженная тенденция заключается в следующем: за годы мониторинга интерес к профессии оставался значимым, вместе с тем роль этого мотива перестала быть доминирующей. Для каждого третьего опрошенного студента наиболее важными факторами были престиж и авторитет вуза; для другой трети респондентов не менее значимой причиной выбора была перспектива гарантированно найти хорошую работу после вуза. Расширение перечня вариантов ответов показало, что для каждого четвертого участника опроса эта перспектива связана с обретением стабильного материального достатка. Настораживает тот факт, что за период исследования (с 1995 по 2016 гг.) резко, практически вдвое, сократилась доля тех, кто соотносил избранную профессию со своими способностями и склонностями.

Таблица 1

Динамика мотивов выбора вуза в период 1995–2016 гг., % опрошенных, ранжирование по 2016 г.

Table 1

Dynamics of motives of the higher education institution choice during 1995–2016, % of respondents, ranked by 2016

Значения	1995	2007	2009	2012	2016
Интерес к профессии	45	53	54	49	44
Престиж, авторитет вуза	32	32	34	30	31
Перспектива найти хорошую работу после вуза	30	30	32	27	29
Желание получить диплом (неважно, какой)	9	26	21	19	26
Стремление обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	–	–	–	22	25
Желание продлить беззаботный период жизни («за компанию с друзьями», «привлекла активная студенческая жизнь»)	15	12	12	19	19
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	33	25	26	17	16
Сюда было легче поступить	–	18	15	13	15
Повлияла семейная традиция, родители	22	18	14	13	10
Не хотелось идти в армию	17	7	7	6	8
Другие мотивы («найти спутника / спутницу жизни»; «интересный круг общения»)	4	9	9	4	8
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	15	13	10	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	6	6	4	4

Произошло и снижение роли семейных традиций в выборе профессии. Вместе с тем существенно увеличилась доля случайных мотивов, не связанных с профессиональными предпочтениями. Например, формальная ориентация на получение диплома о высшем образовании (а не знаний, умений и навыков!) выросла за годы мониторинга втрое. Замыкают ряд мотивов выбора вуза обучение в специализированных классах, авторитетное мнение учителей и влияние профориентационной работы. Таким образом, усиливающаяся депрофессионализация студенчества выражается в том, что в сознании довольно большого числа молодых людей в понятии *высшее профессиональное образование* акцентируется прежде всего первый элемент – *высшее*.

Наиболее важным показателем депрофессионализации, выявленным нами на последних этапах мониторинга, являются крайне поверхностные представления абитуриентов о будущей профессии. Хотя ответы студентов 2–3-го курсов на вопрос, насколько их выбор вуза и специальности опирался на четкие представления о будущей профессии, носили ретроспективный характер, они были весьма показательны (рис. 1).

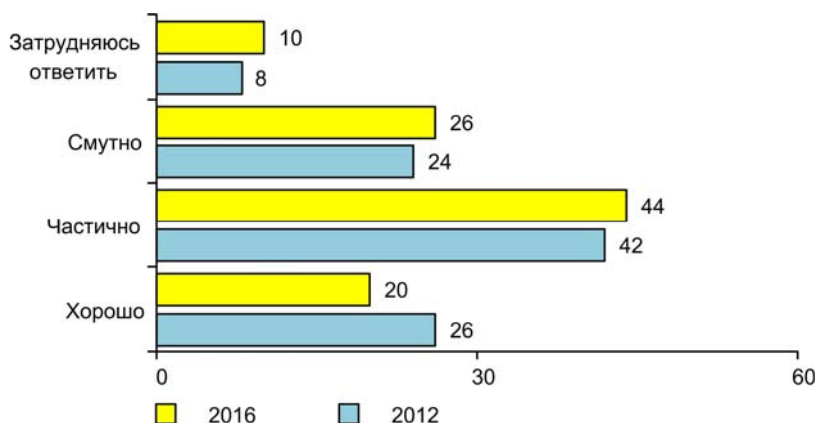

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос «Как Вы представляли будущую профессию при поступлении?», % респондентов в 2012–2016 гг.

Fig. 1. Results of answers to the question “How did you picture your future profession upon entering the university?”, % of respondents in 2012–2016

Самооценка студентов показала, что на момент поступления в вуз достаточно полную информацию о содержании и специфике профессиональной деятельности по избранному направлению обучения имел лишь один из пяти. Двое из каждых пяти опрошенных признались, что, поступая в вуз, опирались на частичные представления о будущей профессии,

каждый четвертый – на смутные, а каждый десятый – вообще не обладал никакими знаниями о выбираемой профессиональной деятельности.

Насколько, с точки зрения студентов, обучение в вузе в течение двух-трех лет делает более четким понимание особенностей предстоящей трудовой деятельности, показано на рис. 2. Графики наглядно демонстрируют, что результаты оставляют желать лучшего, что является дополнительным подтверждением тенденции нарастания депрофессионализации.

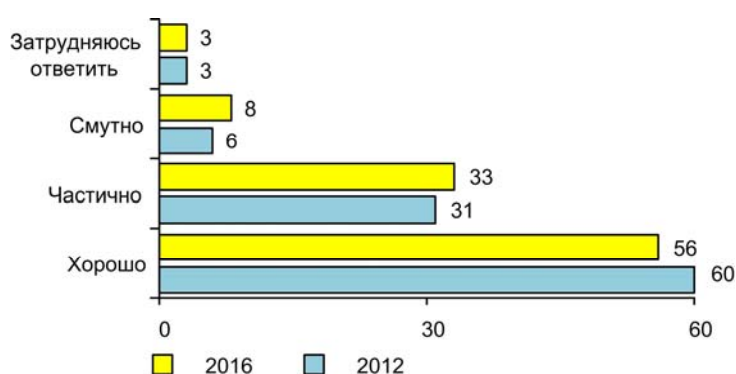

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Как Вы представляете будущую профессию в настоящий момент?», % респондентов в 2012–2016 гг.
Fig. 2. Results of answers to the question “How do you picture your future profession now?”, % of respondents in 2012–2016

В качестве позитивного установленного факта отметим, что за время учебы в высшем учебном заведении степень информированности молодежи о выбранной профессии существенно меняется в сторону большей осведомленности. Значит, процесс профессионализации дает определенные результаты уже к 2–3-му году обучения бакалавриата, не говоря уже о магистратуре. Более половины студентов (трое из пяти) отметили, что сейчас их представления о своей профессии вполне ясные, однако у трети они остаются фрагментарными, у 6–8% – довольно туманными, а 3% по-прежнему пребывают в неведении, чем им предстоит заниматься по окончании учебы, если они решат работать по приобретенной специальности.

На наш взгляд, сокращение сроков профессиональной подготовки по мере развития бакалавриата не позволяет молодежи интегрироваться в профессию достаточно глубоко и получить полное представление о будущей профессиональной деятельности, тем более идентифицировать себя с ней. Это, в свою очередь, может не лучшим образом отразиться на намерении строить свою карьеру в рамках полученного профессионального образования.

Зафиксированное в ходе мониторинга снижение влияния внутренних, самоопределенческих мотивов выбора профессиональной подготовки ослабляет связи между ней и построением жизненной траектории обучающимся, что отражается в динамике профессиональных планов молодежи, в их представлениях о своем переходе от учебы к работе (табл. 2). Этот переход – важный этап в жизни человека. Его успешность – один из показателей эффективности личных и государственных инвестиций в образование, соответствия рынка образовательных услуг потребностям рынка труда.

Таблица 2

Динамика профессиональных планов студентов в 1995–2016 гг.,
% респондентов*

Table 2

Dynamics of professional plans of students in 1995–2016, % of respondents

Профессиональные планы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016
Работать по специальности	66	46	48	42	44	43	34
Продолжить образование (второе высшее образование, магистратура)	11	13	23	11	10	9	21
Основать свое дело, бизнес	24	17	29	19	16	14	14
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	–	–	–	–	–	–	8
Работать не по специальности	12	12	12	10	7	6	6
Поехать учиться или работать за границу	16	9	15	7	10	9	6
Еще нет никаких определенных планов на будущую работу	11	11	18	14	14	4	4
Посвятить себя дому, семье	14	3	8	3	4	3	1
Заняться научно-исследовательской работой	5	2	5	3	3	1	1
Пройти стажировку (дополнительное обучение) на рабочем месте	–	–	–	–	–	–	1
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	–	–	–	–	–	–	1
Жить за счет случайных заработков	5	4	1	1	1	1	0,3

* Сумма выше 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

* The total is higher than 100% as one respondent could give several answers at the same time.

Обсуждение и заключения

Подводя итоги мониторинга, мы пришли к неутешительному выводу о том, что тенденции депрофессионализации молодежи, зафиксированные нами на первых этапах исследования, сохранились и к 2016 г. Доля студентов, планирующих работать по специальности, снизилась почти вдвое – с 66 до 34%.

По сравнению с 1990-ми гг. и так небольшое число планирующих открыть свое дело, стать предпринимателями сократилось более чем на одну треть. По-прежнему низким (менее 1%) остается показатель части студентов, которые хотели бы заниматься наукой и строить карьеру ученого.

Интересно, что на этом фоне выросло количество студентов, предполагающих продолжить образование: в 2016 г. их оказалось почти столько же, сколько было в 2003 г. (практически каждый пятый опрошенный). Однако если ранее такое решение обычно подразумевало получение второго высшего образования, то сейчас для бакалавров это означает обучение в магистратуре. Иными словами, рост численности студентов, выразивших намерение продолжить свое обучение, связан не с желанием пройти дополнительную подготовку или сменой направления карьерной траектории посредством второго образования, а скорее со структурной перестройкой высшей школы, с внедрением системы «бакалавриат – магистратура». Тем не менее распространенность стремления продолжить обучение объясняется не только пониманием ограниченности бакалавриата, она является косвенным показателем удовлетворенности обучением при всех издержках дальнейшего трудоустройства.

Вместе с тем введение в России двухуровневой системы высшего образования усилило (особенно с учетом распространения непрофильной магистратуры) тенденцию депрофессионализации. Тревогу вызывает заметное ослабление направленности студенчества на освоение конкретных профессий. Думается, за этим стоит не столько транспрофессионализм с присущей ему готовностью приобретать все новые специальности (особенно – связанные с современными технологиями), сколько снижение интереса к определенной сфере профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1. Акулич М. М., Батырева М. В. Особенности профессионального самоопределения выпускников школ в условиях экономического кризиса // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2010. С. 58–63.

2. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54–66.
3. Айвазян А. А. и др. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2017. 244 с.
4. Дидковская Я. В. Динамика профессионального самоопределения студентов // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 132–135.
5. Гидденс Э. Предисловие к первому изданию // Теоретическая социология: антология: в 2 ч.: пер. с англ., фр., нем., ит. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. Москва: Университет, 2002. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://finances.social/sotsiologiya_719/predislovie-pervomu-izdaniyu-43402.html (дата обращения 03.04.2016).
6. Зеер Э. Ф. Психология профессий: 2-е изд., перераб. и доп. Москва; Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2003. 336 с.
7. Иванченко Г. В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. 2005. № 2. С. 97–124.
8. Орлова В. В. Социальная зрелость молодежи: социально-психологический аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований / Российская академия естествознания. 2009. № 5. С. 124–130.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. Москва: Логос, 2005. 390 с.
10. Меламед Д. А. Социально-психологические особенности учебно-профессиональной мотивации студентов // Психологическая наука и образование. 2011. № 2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/2/2116.phtml> (дата обращения 11.05.2016).
11. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун. Москва: АСТ, 2008. 569 с.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с нем. Москва: Прогресс; Традиция, 2000. 384 с.
13. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
14. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усова. Москва: Ad Marginem, 2014. 328 с.
15. Константиновский Д. Л. и др. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. Москва: ЦСП и М, 2015. 232 с.
16. Abdiraiymova G., Shnarbekova M. & Sanghera, B. Youth of Kazakhstan: current patterns of professional choice // 10th international technology, education and development conference (INTED), 2016 Mar 07–09. Valencia, Spain, 2016. P. 579–588.
17. Timostsuk I., Ugaste A. & Kailas L. Factors that Affect Occupational Choice for Future Teachers in Estonia // ICEEPSY 2016: 7th International Conference on Education and Educational Psychology, 2016; 2016 Oct 10–15. Rhodes, Greece. P. 229–239. DOI: 10.15405/epsbs.2016.11.24

18. Giersch J. A test of personal and social utility values and the appeal of a career in teaching // Springer, Educational research for policy and practice. 2016. № 15 (3). P. 163–173. DOI: 10.1007/s10671-016-9194-7
19. Watt B. Skilled trades to university student: luck or courage? // Emerald group publishing Ltd Education and training. 2016. № 58 (6). P. 643–654. DOI: 10.1108/ET-01-2016-0016
20. Albulescu M. & Albulescu I. Motivational Benchmarks for teaching career choice // 3rd International conference on Education Reflection Development (ERD), 2015; 2015 Jul 03–04; Cluj-Napoca, Romania. Vol. 209. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.219
21. Дьяченко О. В., Зарубежнов Е. С. Реиндустриализация промышленности Уральского федерального округа // Economics & Law. 2016. № 11–1 (69). С. 23–32.
22. Гущин О. В. Будущее родного Урала – за инициативой и ответственностью молодежи! [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://zaz-doc.ru/docs/2800/index-683827-1.html> (дата обращения 25.11.16).

References

1. Akulich M. M., Batyreva M. V. Features of professional self-determination of graduates of schools in the conditions of an economic crisis. *Aktual'nye problemy sociologii molodezhi = Current Problems of Sociology of Youth*. Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 2010. p. 58–63. (In Russ.)
2. Abramov R. N. A professional complex in social structure of society (according to Parsons). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2005; 1: 54–66. (In Russ.)
3. Ayvazyan A. A., et al. Grazhdanskaya kul'tura molodezhi Sverdlovskoj oblasti: tendencii, problemy, perspektivy = Civil culture of youth of Sverdlovsk region: Tendencies, problems, prospects. Ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Ural State University; 2017. 244 p. (In Russ.)
4. Didkovskaya Ya. V. Dynamics of professional self-determination of students. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2001; 7: 132–135. (In Russ.)
5. Giddens A. Predislovie k pervomu izdaniyu = The introduction to the first edition. *Teoreticheskaja sociologija: antologija = Theoretical sociology: Anthology* [Internet]. In 2 parts. Transl. from English, French, German, Italian. Ed. by S. P. Bankovskaya. Moscow: Publishing House Universitet; 2002 [cited 2016 Apr 03]. Available from: http://finances.social/sotsiologiya_719/predislovie-pervomu-izdaniyu-43402.html (In Russ.)
6. Zeer E. F. Psihologiya professij = Psychology of professions. 2nd edition. Moscow; Ekaterinburg: Publishing Houses Akademicheskij proekt; Delovaja kniga; 2003. 336 p. (In Russ.)
7. Ivanchenko G. V. On a threshold of professional career: Social problems and personal strategy of the choice. *Mir Rossii = World of Russia*. 2005; 2: 97–124. (In Russ.)

8. Orlova V. V. Social maturity of youth: Social and psychological aspects. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij (Rossijskaya akademiya estestvoznaniya) = International Journal of Applied and Basic Research (Russian Academy of Natural Sciences)*. 2009; 5: 124–130. (In Russ.)
9. Bauman S. Individualizirovannoe obshchestvo = The individualized society. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow: Publishing House Logos; 2005. 390 p. (In Russ.)
10. Melamed D. A. Social and psychological features of educational and professional motivation of students. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education* [Internet]. 2011 [cited 2016 May 11]; 2. Available from: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/2/2116.phtml> (in Russ.)
11. Toffler E., Toffler X. Revolyucionnoe bogatstvo: kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn' = Revolutionary wealth: As it will be created and as it will change our life. Transl. from English by M. Sultanova, N. Tsyркun. Moscow: Publishing House AST; 2008. 569 p. (In Russ.)
12. Beck U. Obshchestvo riska = Society of risk. Na puti k drugomu modernu = On the way to other modernist style. Transl. from German. Moscow: Publishing House Progress; Tradicija; 2000. 384 p. (In Russ.)
13. Toshchenko Zh. T. The precariat – a new social class. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2015; 6: 3–13. (In Russ.)
14. Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass = The precariat: The new dangerous class. Transl. from English by N. Usov. Moscow: Publishing House Ad Marginem; 2014. 328 p. (In Russ.)
15. Konstantinovskiy D., Abramova M., Voznesenskaya E., Goncharova G., Kostiuk V., Popova E. & Cheredninichenko G. Novye smysly v obrazovatel'nyh strategiayah molodezhi: 50 let issledovaniya = New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center; 2015. 232 p. (In Russ.)
16. Abdiraiymova G., Shnarbekova M. & Sanghera, B. Youth of Kazakhstan: Current patterns of professional choice. *10th International Technology, Education and Development Conference (INTED)*; 2016 Mar 07–09; Valencia, Spain. 2016. p. 579–588.
17. Timostsuk I., Ugaste A. & Kailas L. Factors that affect occupational choice for future teachers in Estonia. *ICEEPSY 2016: 7th International Conference on Education and Educational Psychology*; 2016 Oct 10–15; Rhodes, Greece. 2016. p. 229–239. DOI: 10.15405/epsbs.2016.11.24
18. Giersch J. A test of personal and social utility values and the appeal of a career in teaching. *Springer, Educational Research for Policy and Practice*. 2016; 15 (3): 163–173. DOI: 10.1007/s10671-016-9194-7
19. Watt B. Skilled trades to university student: Luck or courage? *Emerald Group Publishing Ltd Education and Training*. 2016; 58 (6): 643–654. DOI: 10.1108/ET-01-2016-0016
20. Albulescu M. & Albulescu I. Motivational Benchmarks for teaching career choice. *3rd International Conference on Education Reflection Development*

(ERD); 2015 Jul 03–04; Cluj-Napoca, Romania. 2015; 209: 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.219

21. Dyachenko O. V., Zarubezhnov E. S. Reindustrialization of the industry of the Ural Federal District. *Economics & Law*. 2016; 11–1 (69): 23–32. (In Russ.)

22. Gushchin O. V. Budushchee rodnogo Urala – za iniciativoy i otvetstvennost'yu molodezhi! = The future of the native Urals – behind an initiative and responsibility of youth! [Internet]. 2004 [cited 2016 Nov 25]. Available from: <http://zazdoc.ru/docs/2800/index-683827-1.html> (In Russ.)

Информация об авторах:

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства; профессор кафедры организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: soc_stu@e1.ru

Нархов Дмитрий Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета; ORCID ID 0000-0002-0104-7324, Researcher ID: W-1675-2017; Екатеринбург, Россия. E-mail: d_narkhov@mail.ru

Дидковская Яна Викторовна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: diyan@yandex.ru

Вклад соавторов

Вишневский Ю. Р. осуществлял общее руководство мониторинговым исследованием, выполнил теоретическое обоснование и произвел социологическую интерпретацию эмпирических данных.

Нархов Д. Ю. руководил полевыми исследованиями VII этапа мониторинга, провел сбор и математический анализ эмпирических данных, участвовал в теоретических исследованиях и социологической интерпретации эмпирических данных.

Дидковская Я. В. участвовала в теоретических исследованиях и социологической интерпретации эмпирических данных.

Статья поступила в редакцию 18.10.2017; принята в печать 13.12.2017.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Yury R. Vishnevsky – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sociology and Technologies of the Public and Municipal Administration

on, Institute of Public Administration and Business; Department of Organization of Work with Youth, Institute of Physical Culture, Sport and Youth Policy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: soc_stu@e1.ru

Dmitry Yu. Narkhov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; Department of Organization of Work with Youth, Institute of Physical Culture, Sport and Youth Policy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID ID 0000-0002-0104-7324, Researcher ID: W-1675-2017; Ekaterinburg, Russia. E-mail: d_narkhov@mail.ru

Yana V. Didkovskaya – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of the Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Business, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: diyana@yandex.ru

Contribution of the authors:

Yury R. Vishnevsky performed the general management of monitoring at all stages; carried out theoretical justification of methodology of the research and sociological interpretation of empirical data.

Dmitry Yu. Narkhov directed field research of the 6th stage of monitoring; carried out collecting and the mathematical analysis of empirical data; participated in theoretical research and sociological interpretation of empirical data.

Yana V. Didkovskaya participated in theoretical research and sociological interpretation of empirical data.

Received 18.10.2017; accepted for publication 13.12.2017.

The authors have read and approved the final manuscript.